

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.307-319>
EDN: YSCTJU

УДК 94(47).031

«ОТРАВЛЕННЫЕ» ХАНЫ: ФЕНОМЕН ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ
ПРАВИТЕЛЕЙ В МЕНТАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНГОЛ

*Л.В. Воротынцева*¹, *Т.Р. Галимов*²✉

¹ *Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина*
Елец, Российская Федерация

² *Казанский (Приволжский) федеральный университет*
Казань, Российская Федерация
✉ galimov_t_r@mail.ru

Резюме. Цель исследования: выяснить реальные причины смерти монгольских ханов Есугэй-баатура, Угэдэя и Гуюка, а также обстоятельства возникновения представлений об их отравлении, нашедшие отражение в ряде нарративных источников. Материалы исследования: В работе использовались монгольские историко-литературные произведения «Монгол ун-ниуча тобчиан» («Сокровенное сказание монголов») и «Алтан тобчи» («Золотое сказание»), монгольско-китайская династическая хроника «Юань-ши», а также работы хулагуидских «летописцев» Рашид ад-Дина («Джами ат-таварих») и Джувейни ага-Малика («Тарих-и-джехангуша»). Кроме того, привлекались сведения, содержащиеся в путевых записках главы папского посольства ко двору хагана Гуюка – Джиованни дель Плано Карпини и посла французского короля Людовика IX – Гильома Рубрука.

Результаты и новизна исследования: тема отражения и трактовки в средневековых письменных источниках скоропостижных смертей монгольских правителей вплоть до настоящего времени находилась вне зоны внимания историков-номадистов. Ввиду данного обстоятельства, актуальность поднимаемой в исследовании проблемы заключается в рассмотрении одного из наименее изученных аспектов ментальной истории евразийских кочевников. В статье рассматриваются несколько эпизодов связанных со скоропостижной смертью трех монгольских ханов (Есугэй-баатура, Угэдэя, Гуюка) и трактовкой этих трагических событий в нарративных источниках. На основании критического анализа сведений представленных в письменных источниках, а также привлечения данных естественно-научных дисциплин (медицины, географии), авторы приходят к выводу о ложности распространенных в исторической науке представлений о насильственном характере смертей вышеуказанных монгольских правителей. По мнению авторов исследования, причинами скоропостижных и преждевременных кончин Есугэй-баатура, Угэдэя, Гуюка, являлись, соответственно, пищевое токсикологическое отравление, последствия чрезмерного употребления алкоголя и прогрессирующие развитие хронического, неизлечимого заболевания. Следует

© Воротынцева Л.В., Галимов Т.Р., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

отметить, что представляемая работа носит характер междисциплинарного исследования и является тематическим продолжением статьи, опубликованной в журнале «Золотоордынское обозрение» в 2023 г. [8].

Ключевые слова: Монгольская империя, великие ханы, Есугэй-баатур, Угэдэй, Гуюк, отравление, хронические болезни, ментальное восприятие

Для цитирования: Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Отравленные» ханы: феномен внезапной смерти правителей в ментальном восприятии средневековых монгол // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 307–319. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.307-319> EDN: YSCTJU

"POISONED" KHANS: THE PHENOMENON OF THE SUDDEN DEATH OF RULERS IN THE MENTAL PERCEPTION OF MEDIEVAL MONGOLS

*L.V. Vorotyntsev*¹, *T.R. Galimov*² ✉

¹*Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation*

²*Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
✉ galimov_t_r@mail.ru*

Abstract. Research objectives: To find out the real causes of death of the Mongolian khans Yesugei-baatur, Ogedei, and Guyuk, as well as the circumstances of the emergence of ideas about their poisoning, reflected in a number of narrative sources.

Research materials: The work used the Mongolian historical and literary works "Mongol un-niucha tobchiyan" ("The Secret History of the Mongols") and "Altan Tobchi" ("Golden Legend"), the Mongolian-Chinese dynastic chronicle "Yuan Shi", as well as the works of the Hulaguid "chroniclers" Rashid al-Din ("Jami at-tawarih") and Juveini ata-Malik ("Tarikh-i-jehangusha"). In addition, the information contained in the travel notes of the head of the papal embassy to the court of Guyuk Khagan – Giovanni del Plano Carpini – and the ambassador of the French King Louis IX, Guillaume Rubruk, were involved.

Results and novelty of the study: the topic of reflection and interpretation in medieval written sources of the sudden deaths of Mongolian rulers has been beyond the attention of nomadic historians up to the present time. Because of this circumstance, the relevance of the problem raised in the study lies in considering one of the least studied aspects of the mental history of Eurasian nomads. The article examines several episodes related to the sudden death of three Mongolian khans (Yesugei-baatur, Ogedei, Guyuk) and the interpretation of these tragic events in narrative sources. Based on a critical analysis of the information presented in written sources, as well as the use of data from natural science disciplines (medicine, geography), the authors conclude that the misconceptions common in historical science about the violent nature of the deaths of the above-mentioned Mongolian rulers are false. According to the authors of the study, the causes of the sudden and premature deaths of Yesugei-baatur, Ogedei, and Guyuk were, respectively, food toxicological poisoning, the consequences of excessive alcohol consumption, and the progressive development of a chronic, incurable disease. It should be noted that the presented work is in the nature of an interdisciplinary study and is a thematic continuation of the article published in the journal "Golden Horde Review" in 2023 [8].

Keywords: Mongol Empire, great Khans, Yesugei-baatur, Ogedei, Guyuk, poisoning, chronic diseases, mental perception

For citation: Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. "Poisoned" khans: the phenomenon of the sudden death of rulers in the mental perception of medieval Mongols. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 307–319. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.307-319> (In Russian)

Изучение ментального восприятия и трактовки исторических событий в парадигме мировоззренческих установок человеческих сообществ той или иной эпохи, а также отражения этих представлений в нарративных источниках, фольклоре и нормах обычного права, продолжает оставаться одним из наиболее популярных направлений в мировой исторической науке. Зародившись в начале XX в. (прежде всего благодаря работам представителей французской исторической школы «Аналов»), во второй половине прошлого столетия ментальная история (или история ментальностей) заняла прочные позиции в современных исторических исследованиях [9; 14; 28]. К сожалению, в отечественной номадистике, на протяжении длительного времени, данное направление научных исследований не пользовалось большой популярностью. Однако в последние десятилетия был опубликован ряд работ современных российских историков, в которых, помимо прочих аспектов исторического развития кочевых этносов Евразии, рассматривается и тема мировосприятия древних номадов. Среди таковых работ особо следует выделить монографии Т.Д. Скрынниковой; Н.Н. Крадина, В.В. Трепавлова и Ю.И. Дробышева [26; 16; 27; 11], в которых был рассмотрен целый спектр мировоззренческих представлений кочевых и полукочевых народов Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Вместе с тем, к настоящему времени остается еще немало проблемных вопросов и тем, требующих дополнительных исследований. В частности, к таковым следует отнести проблему восприятия и трактовки внезапных кончин верховных правителей монголов второй половины XII – первой половины XIII вв. представителями правящей верхушки и родственниками умерших.

В настоящем исследовании рассматриваются три эпизода, связанных с внезапными и скоропостижными кончинами монгольских правителей – отца Чингизхана – Есугэй-баатура, а также хаганов (каганов, каанов)¹ Уке Mongyol Ulus – Угэдэя и Гуюка. Данный выбор обусловлен тем обстоятельством, что в нарративных источниках кончины именно этих членов монгольской правящей династии имеют неоднозначную трактовку, подразумевающую в одной из версий воздействие на их организм отравляющих веществ в качестве причины преждевременной и внезапной смерти.

Представление о смерти Есугэй-баатура как случившегося в результате отравления, возникло в силу определения самого Есугэя, озвученного им перед кончиной. Согласно сообщению «Монгол ун-ниуча тобчиан» («Сокровенного сказания монголов»): «...По дороге в Цекерской степи – Шира-кеере, пировали татары. Повстречавшись с ними, Есугай-баатур решил задержаться на празднике, так как томился жаждою. Татары же, оказывается, его узнали, «это Есугай-кыян

---

¹ В статье также используются термины «хан» и «великий хан», которыми авторы данного исследования обозначают верховных правителей монголов, как в доимперский, так и в имперский периоды, принимая во внимание то обстоятельство, что политический статус монгольских «ханов» в указанные эпохи имел существенные отличия.

явился» рассуждали они и вспомнили свои старые обиды и счёты. И вот, с умыслом тайно извести отравой, они подмешали ему яду. Уезжая от них, он почувствовал себя дурно, и через трое суток, добравшись домой, сильно занемог...Говорит тогда Есугай-баатур: «Мне дурно...Извели меня тайно татары, когда я заехал к ним по дороге...» [13, с. 87].

Схожая версия кончины отца Чингиз-хана, с некоторыми дополнительными подробностями, содержится и в монгольском историко-литературном произведении XVII в. «Алтан тобчи» («Золотом сказании»): «Во время обратного пути Йисугай-багатур захотел пить и сошел с коня по дороге к Чэкчэр в Шара-хэгэре, где сидели татары и пировали. Там были старые [его] враги...они вспомнили о прежних нападениях и из вражды [к нему] подмешали яд и дали ему напиток. В середине пути ему стало плохо; три дня он ехал и, достигнув юрты, сильно занемог. Йисугэй-багатур сказал: «Внутри у меня болит. Кто тут вблизи меня?» Когда он так говорил, то поблизости находился Мэнглик, сын хонгхотанского Чирха-эбугэна. Позвал [он] его, велел подойти и сказал: «Мэнглик, дитя мое...Сына своего Тёмучина я оставил как зятя, а когда возвращался, то дорогой [встретил] пирующих татар и захотев пить, сошел с коня. Разгневались на меня [татары]. Болит у меня внутри...Сына моего Тёмучина, поскорее возьми и привези...Выполняя наказ Йисугэй-багура, отправился Мэнглик к дай-Сэчэну и сказал: «Старший брат Йисугэй очень желает видеть Тёмучина, он скорбит душой. Приехал я взять Тёмучина»...Когда Мэнглик, взяв [с собой] Тёмучина, приехал, Йисугэй-багатур уже стал тэнгри (умер – Л.В., Т.Г.) [17, с. 69–70].

Не вызывает сомнений, что содержащиеся в «Монгол ун-ниуча тобчиян» и «Алтан тобчи» описания обстоятельств кончины Есугэй-багура были составлены не очевидцами, а жившими позднее авторами вышеуказанных историко-литературных произведений, использовавших при их составлении родовые предания и/или народные сказания, отразившие в подобной трактовке реальное историческое событие (внезапную болезнь и преждевременную смерть правителя монголов). Рассматривая вопрос о возникновении версии об отравлении отца Чингиз-хана татарами, следует учитывать то обстоятельство, что повседневное мировоззрение людей древних эпох (античности, средневековья, раннего нового времени) базировалось на антинаучном и в значительной степени иррациональном восприятии и трактовке происходивших в их жизни событий. Природные катаклизмы, эпидемии и вражеские нашествия в абсолютном большинстве случаев воспринимались как наказания сверхъестественных сил (богов, духов), а внезапные болезни и смерти как воздействие на организм пострадавшего человека отравляющих веществ или магических манипуляций (колдовства).

Так, в «Истории народа стрелков» инока Магакии описывается эпизод из истории военных компаний монголов на Южном Кавказе, когда летальные последствия желудочно-кишечного заболевания были приняты за преднамеренное отравление. Согласно сведениям представленным в труде армянского хрониста, во время пребывания монгольского отряда возле Геретинского монастыря, настоятелем обители был устроен пир, последствием которого стала некая тяжелая болезнь «татарского» военначальника Хули и некоторых его людей, закончившаяся летальным исходом: «Чтобы угостить их он (настоятель монастыря – Л.В., Т.Г.) зарезал овцу, открыл новое вино и насытил их всех яствами и питием до того, что они едва могли держаться на конях. Вечером татары, совершенно пьяные воротились домой...а утром нашли своего начальника нездоровым. Они спросили его: «что за причина твоей болезни»? Он отвечал: «священник отравил меня вчера». А священник был совершенно не виновен. Болезнь приключилась от того, что татары, по

обыкновенно, чрезвычайно неумеренно пили и обжорливо ели. Тотчас отправились за священником и...после долгих допросов, они, не поверив его оправданиям...до того изжарили все его тело, что дивный старец Стефан испустил дух...Но скверный и немилосердный начальник (монголов – Л.В., Т.Г.), впав в тяжкую болезнь, в муках и в бесновании...кончил жизнь. Также злая болезнь распространилась по всему его отряду и многие из них умерли...» [15, с. 25–26]. Из вышеприведенного описания можно сделать вывод о том, что за отравление были приняты симптомы болезни volvulus (заворот кишок), вызванной перееданием в сочетании с потреблением значительных доз алкоголя.

В данном контексте ментальных представлений монгольских кочевников о причинах внезапных болезней и смертей, любые негативные последствия контакта с «чужаками» могли расцениваться как самим пострадавшим, так и его родней и соплеменниками как следствие преднамеренных действий. А принимая во внимание наличие давней кровной вражды между монгольским родом Борджигин и татарской племенной аристократией (татарами были захвачены в плен и переданы чжурчженям на мучительную казнь сын Хабул-хана – Укин-Баркак, монгольский хан Амбахай, а сам Есугэй неоднократно воевал с татарскими родоплеменными объединениями) [13, с. 84–85; 24, с. 33, 42], определение самим Есугэй-баатуром причин своего болезненного состояния как результата целенаправленного отравления ядом представителями враждебного племени представляется вполне закономерным.

Вместе с тем, данное обстоятельство не может а priori являться подтверждением вины татарских воинов, которые, при желании, могли бы убить находившегося в их руках монгольского предводителя более надежным и быстрым способом. Кроме того, исходя из сообщения «Сокровенного сказания», встреча Есугэя с представителями враждебного племени была случайной, ввиду того обстоятельства, что татары не могли знать времени отъезда монгольского хана из кочевья своего будущего свата Дай-Сечена (отца Бортэ-хатун, первой жены Тэмуджина). Следовательно, они не могли заранее спланировать алгоритм враждебных действий в отношении Есугэя и подготовиться к ним. Более того, представляется весьма сомнительным факт наличие у татар пищевого яда, поскольку в источниках не содержится информации о функциональном использовании кочевниками Восточной Евразии пищевых ядов в повседневном быту. Таким образом, гипотеза о преднамеренном отравлении Есугэй-баатура не имеет крепкой доказательной основы и не может рассматриваться в качестве установленного исторического факта.

Примечательно, что версия об отравлении отца основателя Монгольской державы присутствует только в монгольских историко-литературных произведениях, тогда как в официальных хрониках, составленных в чингизидских государствах (державе Хулагуидов, империи Юань), в разделах посвященных жизни отца Чингиз-хана, не содержится информации об отравлении или каком либо ином насильственном характере кончины Есугэй-баатура. В частности, в «Джами ат-таварих» о смерти Есугэя сказано лишь то, что она наступила в «молодые годы»: «Когда Есугэй-бахадур в молодые годы скончался, племена тайджиут, которые принадлежали к числу его двоюродных братьев и родичей его предков...в конце его правления и в момент его кончины...выказали [ему] неповиновение и враждебность...» [24, с. 75–76].

Аналогичным образом смерть Есугэй-баатура описывается в династической хронике «Юань-ши» («История Юань»): «...[После того как] Есугай скончался, в десятой луне 3-го года Чжи-юань (30 октября-27 ноября 1266 г.) [он] получил

посмертные имя и титул Ле-цзу, «Божественный император-основатель династии»...К моменту кончины Ле-цзу...большое количество народа обока [Есугая] ушло к тайджиутам...»[12, с. 127].

Отсутствие сведений о насильственной смерти отца Чингиз-хана в нарративных источниках составленных за пределами изначального ареала обитания монгольских кочевников может являться свидетельством того, что версия событий связанных с кончиной Есугэй-баатура представленная в «Сокровенном сказании» не получила широкого распространения в среде представителей «золотого рода», а также монгольской служилой аристократии и в виду данного обстоятельства не была отражена в работах хулагуидских и юаньских «летописцев».

Учитывая всю вышеизложенную аргументацию в качестве наиболее вероятной причины внезапной смерти Есугэй-баатура следует признать последствия тяжелого инфекционного заболевания, развившегося после приема еды или напитков. Описанные в источниках внешние проявления болезни отца Чингиз-хана соответствуют некоторым клиническим признакам пищевых токсикоинфекционных заболеваний вызываемых болезнетворными бактериями *Staphylococcus aureus* (Стафилакок золотистый) и *Salmonella* (Сальмонелла). В частности, отмечаемые в «Золотом сказании» сильные, и вероятно схваткообразные боли в области желудка являются одним из признаков развития воспалительных процессов в организме большого стафилакоковой инфекцией или сальмонелёзом. Дальнейшее развитие паталогических процессов характеризуется воспалениями слизистых оболочек тонкой кишки, а также фиброзно-некротическим воспалением нисходящих отделов толстой кишки, появлением многократной рвоты (часто с кровью), поносом, слабостью, недомоганием, ознобом, снижением артериального давления. При отсутствии квалифицированного лечения имеются большие риски поражения печени, поджелудочной железы, почек и других внутренних органов больного, вплоть до расстройства функции сердечно-сосудистой системы и последующего летального исхода [5, с. 350; 7, с. 453]. В пользу данной версии свидетельствуют и отмечаемые рядом источников специфические особенности бытовой гигиены монголов, способствовавших развитию бактериальных инфекций [1, с. 24].

Следующим верховным правителем монголов, после кончины которого была озвучена версия о его вероятном отравлении, стал внук Есугэй-баатура и сын Чингиз-хана – великий хан (хаган) Угэдэй. Сведения об этом содержатся в сборнике исторических записок хулагуидского сановника и хрониста Рашид ад-Дина. Согласно информации представленной в династическом разделе «Джами ат-таварих», посвященном жизнеописаниям Чингизидов: «...Каан (Угэдэй – Л.В., Т.Г.) очень любил вино и постоянно находился в опьянении и допускал в этом отношении излишества. [Это] с каждым днем его все больше ослабляло... У каана был баурчи, сын Абикэ-беги, сестры Соркуктани-беги...Каждый год Абикэ-беги...приезжала из китайской страны, где был ее юрт, на служение [каану] и устраивая пир, потчевала [его]. На тринадцатый год по восшествии его на престол она, по обыкновению, приехала и вместе со своим сыном, который был баурчи каана, поднесла каану чашу [с вином]. Ночью во время сна каан от чрезмерного [количества] выпитого вина скончался. Стали злословить при содействии хатун и эмиров, что Абикэ-беги и ее сын подносили чашу и, наверное дали каану яду. Илджидай-нойон, который был молочным братом каана и влительным эмиром из рода джелаир, сказал: «Что за вздорные слова? Сын Абигэ-беги – баурчи, он ведь всегда подносил чашу, и каан пил вина слишком много. Зачем нужно позорить своего каана, [говоря], что он умер от покушения других? Настал его смертный час. Надо, чтобы больше никто не говорил таких слов... Так как он был

умным человеком, то понимал, что причина той смерти – излишество и постоянное опьянение. Он знал, что последствия от излишества в питье вина бывают так пагубны...» [25, с. 42–43].

Несмотря на то, что согласно сообщению Рашид ад-Дина, первоначальная версия кончины великого хана была сразу опровергнута и не получила официального признания, слухи о возможном отравлении Угэдэя сохранялись на протяжении довольно длительного времени. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение Плано Карпини о казни некой «тетки» Гуюка, казненной по обвинению в убийстве его отца: «...тогда была схвачена тетка нынешнего императора (великого хана Гуюка – Л.В., Т.Г.), которая с помощью яда убила его отца... Над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты...» [21, с. 184–185].

К сожалению, папский посланник не указывает имени «тетки» «императора моалов», вследствие чего идентификация ее личности весьма затруднена и находится в пределах гипотез историков. К настоящему времени в научных исследованиях представлены две версии того, кем могла быть казненная в ставке Гуюка «тетка» хагана. Согласно гипотезе Р.Ю. Почекаева, в качестве подсудимой выступала Абикэ-беги, в отношении которой ранее высказывались подозрения в организации отравления Угэдэя [18, с. 64–65; 25, с. 42]. Слабой стороной этой версии является то обстоятельство, что Абикэ-беги не только не являлась теткой Гуюка, но и вообще не находилась в кровном родстве с правящим хаганом.

В недавно вышедшем исследовании А.А. Порсина была высказана альтернативная гипотеза, согласно которой, казненной теткой Гуюка, являлась младшая дочь Чингиз-хана (и сестра Угэдэя) – Алталун (Алталункан), отрывочные сведения об убийстве которой Угэдэидами содержатся в «Джами ат-таварих» [20, с. 29–32]. Аргументируя невозможность возведения в великие ханы представителей ветви Угэдэидов после смерти Гуюка, Бату обвинил их в узурпации власти и незаконной расправе над Алталун: «...дети Угэдэй-каана поступили вопреки словам отца и не отдали власти Ширамуну и преступив древний закон и обычай, не посоветовавшись с родичами, ни за что убили младшую дочь Чингиз-хана, которую он любил больше всех [своих] детей и называл Чаур-сечен...» [25, с. 80]. В данном варианте возникает вопрос, на основании чего могли быть выдвинуты столь тяжелые обвинения представительнице «золотого рода» по событию четырехлетней давности?

Вместе с тем, вне зависимости от того, кто в реальности являлся казненной «теткой» «императора» Гуюка, подобные обвинения не могли подкрепляться объективной доказательной базой в виду того обстоятельства, что по происшествии нескольких лет после кончины и погребения великого хана, «доказательства» вины могли быть получены только двумя способами – лжесвидетельством или самооговором обвиняемого в результате пыток. Именно таким образом была «доказана» виновность фаворитки Туракины – Фатимы: «...Фатима предстала перед лицом Гуюка, и ее держали обнаженной, в цепях, и не давали ей есть и пить много дней и ночей... в конце концов она призналась в своих клеветнических измышлениях и наветах, открыто призналась во лжи. Ей отрубили руки и ноги, завернули в кусок войлока и бросили в реку... И каждый, кто был с ней связан, также погиб...» [10, с. 169–170].

По всей вероятности, причиной скоропостижной смерти Угэдэя являлись последствия тяжелой алкогольной интоксикации, усугубленной общим состоянием организма пострадавшего. Согласно данным современной медицинской науки, хронический алкоголизм приводит к расстройству функции сердечно-сосудистой

системы (токсическая миокардиострофия) [3, с. 256]. При тяжёлой степени алкогольного отравления, у больных отмечается повышенная проницаемость сосудов и их разрывы, приводящие к кровоизлиянию во внутренние органы (мозг, желудок, бронхи, двенадцатиперстную кишку), а также возникают значительные риски аберрации рвотными массами. В случае неоказания своевременной и квалифицированной помощи смерть может наступить от паралича дыхательных или сердечно-сосудистых центров и наступления алкогольной комы [3, с. 266].

Примечательно, что после смерти брата великого хана Угэдэя – Чагатая, столь же бездоказательные обвинения в преднамеренном отравлении своего повелителя были предъявлены фавориту Чагатая, некоему «китайцу» (киданю – ?), являвшемуся высокопоставленным сановником (везирем) при дворе третьего сына Чингиз-хана. Согласно сообщению Рашид ад-Дина «...Везир неоднократно говорил Чагатаю: «Ради тебя я ни одно существо не сделал себе другом. После тебя никто меня не пощадит». Когда Чагатай скончался, его (Везира – Л.В., Т.Г.) убили по обвинению в том, что он [якобы] дал Чагатаю зелья» [25, с. 102].

Аналогичные слухи об отравлении великого хана возникли и довольно длительное время циркулировали в среде его приближенных и родственников после скорострительной кончины Гуюка. Сообщение об этом содержится в записках французского дипломата Гильома де Рубрука, посетившего проездом ставку (орду) вдовы покойного правителя Монгольской империи: «...О смерти же самого Кена (Гуюка – Л.В., Т.Г.) я не мог узнать ничего достоверного. Брат Андрей (Andre de Longumedu – посол французского короля Людовика IX, отправленный ко двору великого хана Мэнгу в 1249 г. – Л.В., Т.Г.) говорил мне, что Кен умер от одного врачебного средства, данному ему, и подозревал, что это средство приказал приготовить Бату. Однако я слышал и другое. Именно Кен сам позвал Бату, чтобы тот пришел поклониться ему, и Бату пустился в путь с великой пышностью. Однако он сам и его люди сильно опасались, и он послал вперед своего брата, по имени Стикана (Шибана -?), который прибыв к Кену, должен был подать ему чашу за столом, но в то время возникла ссора между ними, и они убили друг друга...» [22, с. 134–135].

Анализируя данное сообщение, необходимо отметить, что представленные в записках Гильома де Рубрука версии об отравлении или убийстве Гуюка, выглядят весьма неправдоподобно по следующим причинам. Согласно сообщению Ата-Малика Джувейни, Гуюк предпочитал пользоваться услугами врачей-христиан [10, с. 178]. Наличие среди них, а также в числе ближайшего окружения великого хана агентов правителя Улуса Джучи представляется крайне маловероятным. Еще более невероятным выглядит рассказ об обоюдном убийстве Гуюка и Шибана, поскольку Шибан (Шейбан) упоминается Рашид ад-Дином в числе участников малого курултая Джучидов и Джагатаидов, собиравшегося после смерти Гуюка, для обсуждения вопроса о поддержке кандидатуры Мэнгу в качестве основного претендента на возведение в великие ханы *Yke Mongyol Ulus* [25, с. 130].

Исходя из вышеприведенной аргументации, следует признать, что изложенные в записках Гильома де Рубрука версии о причинах и обстоятельствах смерти Гуюка, по всей вероятности, являлись субъективными и политически ангажированными представлениями, возникшими в окружении покойного великого хана, действительно находившегося во враждебных отношениях с Бату со времен Западного похода (1236–1242 гг.), когда после пьяной ссоры с главнокомандующим монгольскими войсками, Гуюк, Бури и Алгасун были отозваны с театра военных действий и подверглись опале со стороны хагана Угэдэя [13, с. 194, 195].

В тоже время, в пользу версии о естественных причинах кончины Гуюка свидетельствуют неоднократные сообщения источников о некоей хронической болезни и относительно слабом здоровье великого хана. В частности, согласно свидетельству Рашид ад-Дина, во время проведения церемонии утверждения Гуюка в качестве верховного правителя Эке Монгол Улус, одним из возражений с его стороны, были ссылки на состояние здоровья: «После словопрения [все] согласились на возведение его [на престол], а он (Гуюк – Л.В., Т.Г.), как то обычно бывает, отказывался, препоручая [это] каждому царевичу, и ссылался на болезнь и слабость здоровья...» [25, с. 119]. Несколько позднее, Гуюк предпринял перекочевку в более благоприятные по климатическим условиям области, обосновав это необходимостью излечения от болезни: «В том году он прозимовал в той местности, а когда наступил новый год, он сказал: «Погода склоняется к теплу, воздух Имиля подходит для моей природы, и тамошняя вода благотворна для моей болезни...» [25, с. 121]. По мнению Р.Ю. Почекаева вышеприведенное высказывание являлось саркастическим объяснением, имевшим цель замаскировать истинную причину выдвижения армии великого хана в западном направлении [19, с. 228]. Однако данное предположение исследователя основывается лишь на анализе политической ситуации, сложившейся к тому времени в Монгольской империи, без учета сообщений о состоянии здоровья Гуюка. Между тем, в «Джами ат-Таварих» имеется четкая информация о серьезных проблемах со здоровьем у старшего сына второго правителя Монгольской державы: «...Хотя наследником престола Угэдэй-каана был его внук Ширамун, Туракина-хатун и сыновья Угэдэй-каана после его [смерти] поступили наперекор его приказу и посадили на ханство Гуюк-хана, несмотря на то, что он в течении всей жизни болел хронической (неизлечимой) болезнью...» [25, с. 9–10].

Допустимо высказать предположение, что отмеченной в сообщении Рашид ад-Дина хронической болезнью старшего сына Угэдэя могло быть одно из ревматических заболеваний (артрит, артроз, подагра), предрасположенность к которым («болезнь ног») имели представители племени кунграт (кунграткой являлась мать Гуюка – Туракина-хатун) [23, с. 160]. Течение вышеуказанных заболеваний характеризуется медленным развитием паталогических процессов в организме больного, однако при отсутствии квалифицированного лечения, прогрессирование артрита и подагры приводит к инвалидизации, выражающейся, прежде всего, в ограничении мобильности и периодически возникающем сильнейшем болевом синдроме, а так же развитию мочекаменной болезни, приводящей в последствии к атрофии функции почек и летальному исходу [4, с. 219; 6, с. 40]. Весьма вероятно, что именно проявления хронической болезни, сопровождаемые периодически возникавшим сильными болями, могли оказать влияние на формирование негативных черт характера Гуюка (вспыльчивость, угрюмость, немотивированная жестокость), отмечаемых в сообщениях ряда источников [10, с. 177–178; 13, с. 194–195].

В данном контексте, высказанное Гуюком желание совершить перекочевку в район Имиля (вероятно в долину Эмин, расположенную в предгорьях Таргабатая и отличающуюся мягким климатом, а также наличием солёных озер Алаколь и Сасыколь) следует рассматривать как стремление поправить пошатнувшееся в результате многочисленных интронизационных церемоний и пиров здоровье хагана, посредством пребывания в зоне природного курорта с «благотворным» воздухом и целебными водами. В пользу этой гипотезы свидетельствует и тот факт, что даже в современной медицине при лечении и профилактике обострений подагры широко используется водолечение, как в виде процедур (радоновые,

хлоридно-натриевые или йодо-бромные ванны, так и в виде внутреннего приема слабоминерализованных целебных вод, имеющих щелочные значения Ph. [6, с. 43]. Согласно сообщениям источников, подобные процедуры практиковались и в монгольских улусах [2, с. 756–769] Однако на последних стадиях прогрессирования артрических заболеваний использование одних лишь физиотерапевтических процедур, без комплексного медикаментозного лечения (или хирургического вмешательства) не могло оказать существенного влияния на состояние здоровья больного.

Таким образом, вероятнее всего, смерть Гуюка наступила по естественным причинам, связанным с развитием его хронической болезни, приведшей к дисфункции внутренних органов (почек). Характерно, что внешними симптоматическими признаками острых стадий почечной недостаточности являются отеки, общая заторможенность, сонливость, тошнота, рвота [6, с. 43]. Данные симптомы могли восприниматься окружающими как признаки отравления, не являясь таковыми.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что в ментальном восприятии определенной части монгольского общества, внезапные смерти верховных правителей рассматривались как последствия целенаправленного воздействия на организм отравляющих веществ. Фиксируемые в письменных источниках, подобные представления являлись отражением субъективных и политически ангажированных воззрений отдельных групп служилой аристократии и/или родственников умерших. В реальности, смерти отца Чингиз-хана – Есугэй-баатура, хаганов Угэдэя и Гуюка, по всей вероятности, были вызваны причинами естественного характера, связанными с пищевым или алкогольным отравлением, а также прогрессированием хронических или внезапных болезней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф. Гигиеническая культура nomadov евразийских степей XIII–XV вв. // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 6. С. 22–34. <https://doi.org/10.269907/2541-7738>. 2020.6.22-34
2. Абзалов Л.Ф. «Горячий ключ от кручины болезней»: из практики водолечения в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 756–769. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-4.756-769>
3. Большая медицинская энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1974. 576 с.
4. Большая медицинская энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975. 608 с.
5. Большая медицинская энциклопедия. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1978. 483 с.
6. Большая медицинская энциклопедия. Т. 20. М.: Советская энциклопедия, 1988. 544 с.
7. Большая медицинская энциклопедия. Т. 22. М.: Советская энциклопедия, 1984. 544 с.
8. Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича осенью 1246 г. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 562–581. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.562-581> EDN: JJSQBC
9. Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Аналов». М., 1993. 208 с.

10. Джувейни Ата-Малик. История завоевания мира. М.: Изд. Дом. Магистр-Пресс, 2004. 689 с.
11. Дробышев Ю.И. Климат и ханы: роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2018. 264 с.
12. Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М.: Типография Наука, 2009. 336 с.
13. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л.: Восточная литература, 1941. 619 с.
14. Зубкова Е.Ю. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153–160.
15. История монголов инока Магакии, XIII века. СПб., 1871. 106 с.
16. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007. 207 с.
17. Лубсан Дабзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973. 440 с.
18. Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.
19. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: Евразия, 2007. 350 с.
20. Порсин А.А. Процесс по делу об отравлении каана Угедея в контексте противоречий разных групп источников // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 24–36. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.24-36>
21. Плано Карпини Иоанн де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А.А. Горского, В. В. Трепавлова; подгот. лат. текста П. В. Лукина, пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина, коммент. А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой, Р.Ю. Почекаева, В.В. Трепавлова; Ин-т российской истории РАН. М.: ИДВ РАН, 2022. 383 с.
22. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1956. 287 с.
23. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
24. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
25. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
26. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2003. 384 с.
27. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 255 с.
28. Хромова Е.Б. Из истории становления исторической антропологии в России: вклад истории ментальностей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5–1. С. 53–61. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61>

REFERENCES

1. Abzalov L.F. Hygienic culture of nomads of the Eurasian steppes in 13th–15th centuries. *Scientific notes of Kazan University. Series. Humanities*. Vol. 126. Book 6, pp. 22–34. <https://doi.org/10.269907/2541-7738.2020.6.22-34> (In Russian)
2. Abzalov L.F. “Hot Spring for Cure of Diseases”: On the Practice of Hydropathy in the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 756–769. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-4.756-769> (In Russian)
3. The Great Medical Encyclopedia. Vol. 1. Moscow: The Soviet Encyclopedia Publ., 1974. 576 p. (In Russian)
4. The Great Medical Encyclopedia. Vol. 2. Moscow: The Soviet Encyclopedia Publ., 1975. 608 p. (In Russian)
5. The Great Medical Encyclopedia. Vol. 9. Moscow: The Soviet Encyclopedia Publ., 1978. 483 p. (In Russian)

6. The Great Medical Encyclopedia. Vol. 20. Moscow: The Soviet Encyclopedia Publ., 1988. 544 p. (In Russian)
7. The Great Medical Encyclopedia. Vol. 22. Moscow: The Soviet Encyclopedia Publ., 1984. 544 p. (In Russian)
8. Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. The “necessary death” of the Grand Duke: on the question of the causes and circumstances of the death of Yaroslav Vsevolodovich in the autumn of 1246. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Vol. 11, no. 3, 2023, pp. 562–581. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.562-581> (In Russian)
9. Gurevich A. Ya. From the history of mentalities to historical synthesis. Disputes about the main thing: Discussions about the present and future of historical science around the French Annales school. Moscow, 1993. 208 p. (In Russian)
10. Juveini Ata-Malik. The history of the conquest of the world. Moscow: Magister Press Publishing House, 2004. 689 p. (In Russian)
11. Drobyshev Yu. I. Climate and Khans: the role of the climatic factor in the political history of Central Asia. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. 264 p. (In Russian)
12. The Golden Horde in historical sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources. Moscow: Nauka, 2009. 336 p. (In Russian)
13. Kozin S.A. The Secret History. Moscow-Leningrad: Oriental Literature, 1941. 619 p. (In Russian)
14. Zubkova E.U. The mental dimension of history: the search for a method. *Questions of history*. 1995, no. 7, pp. 153–160. (In Russian)
15. “The history of the Mongols” of the monk Magakia, 13th century. St. Petersburg, 1871. 106 p.
16. Kradin N.N. Nomads of Eurasia. Almaty, 2007. 207 p. (In Russian)
17. Lubsan Dabzan. Altan tobchi (“The Golden Legend”). Moscow, 1973. 440 p. (In Russian)
18. Pochekaev R.Yu., Pochekaeva I.N. The female Rulers of Eurasia. History and myths about the female rulers of the Turkic-Mongolian states of 13th–19th centuries. St. Petersburg: Eurasia, 2012. 384 p. (In Russian)
19. Pochekaev R.Y. Baty. The Khan who was not Khan. Moscow: Eurasia, 2007. 350 p. (In Russian)
20. Porsin A.A. Trial in the case of the Poisoning of Ögedei Khan in the Context of Contradictions between Different Groups of Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, Vol. 11, no. 1, pp. 24–36. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.24-36> (In Russian)
21. Plano Carpini Ioahn de. History of the Mongols: Text, translation, commentaries. Edited by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov; podgot. lat text of P.V. Lukin. trans. from lat. A.A. Volin, P.V. Lukin, comment. A.A. Gorsky, V.P. Lukin, S.A. Maslova, R.Yu. Pochekaev, V.V. Trepavlov; Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 2022. 383 p. (In Russian)
22. Journey to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. Moscow, 1956. 287 p. (In Russian)
23. Rashid al-Din. A collection of chronicles. Vol. 1. Book 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 222 p. (In Russian)
24. Rashid al-Din. A collection of chronicles. Vol. 1. Book 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 315 p. (In Russian)
25. Rashid al-Din. A collection of chronicles. Vol. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 248 p. (In Russian)
26. Skrynnikova T.D. Charisma and power in the era of Genghis Khan. St. Petersburg: Eurasia, 2003. 384 p. (In Russian)

27. Trepavlov V.V. "The White Tsar": the image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia of the 15th–18th centuries. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2007. 255 p. (In Russian)

28. Khromova E.B. From the background of historical anthropology formation in Russia: contribution of the history of mentalities. *Historical and Socio-Educational Idea*. 2018, vol. 10, no. 1–5, pp. 53–61. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61> (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонид Вячеславович Воротынец – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Тэймур Рустэмович Галимов – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, Казанский федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), Research Fellow, Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer of the Department of History of the Tatarstan, Anthropology and Ethnography, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 21.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 27.03.2024

Принята к публикации / Accepted 04.05.2024